

Поэзия и проза «Алых парусов»

чева, который ведет нас от рассказа к рассказу Грина (часто обращаясь и к малоизвестным его произведениям), от события к событию жизни писателя. И мы становимся свидетелями того, как Грин... «вступил в борьбу с самим собой — полубогемным, второсортным писателем, ремесленником из журнала «XX век», которому все равно, о чем писать, незыскательным рифмоторцем, желчным юмористом и просто слабым человеком, который хочет сытости и винного фимиама... Должен победить человек нравственного долга, сильный своей приверженностью к действительной мечте, доброжелательный и сердцевед, страстный гуманист». Так Грин стал советским писателем.

В биографии приведено много интересных суждений современников об Александре Грине. Андрей Платонов, например, формулировал любимую тему писателя как «тему похищения человеческого счастья». В. Харчев вкладывает в эти слова смысл нравственного выбора, утверждаемого в лучших сочинениях романтика. Юрий Олеша замечал о созда-

теле сказочной страны: «Все, что он писал, было исполнено веры именно в силу, в возможности человека».

«Алые паруса» не приходят сами собой. В этом — один из «уроков Грина» (именно так хочется определить подзаголовок работы В. Харчева). Такова предлагаемая нам разгадка творческого чуда, вдохновенного революционной новью. Она нисколько не противоречит гриновской мечте, взывающей к «Алым парусам» и потому удесятворяющей силы чепозека. И характерно, что родилась эта почти лубочная мечта «на низах» жизни, в ее «прозе», посреди «второсортной» литературы. Помните? «Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана; я показал на блюде студня косые скулы океана...»

«Детское живет в человеке до седых волос», — цитирует автор слова одного из героев Грина и справедливо ставит в связь жанр «Алых парусов» — феерию — с принципиальной установкой писателя на детское, праздничное видение жизни как непрестанного чуда. В. Харчев относит к этому жанру также «трагическую сказку Сент-Экзюпери о маленьком принце». Но, думается, что вне «андерсеновских» особенностей «феерии» не понять и ряда романтических произведений Горького, Блока, Маяковского.

Блок заранее огорчился: «Печальная доля — так сложно, так трудно и празднично жить, и стать достойным доцента, и критиком новых плодителей...» Но доценты бываю разные, и критик критику рознь. Автор книги «Поэзия и проза Александра Грина» сочетает равние филолога и веру в праздник «Алых парусов».

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ.

Есть два видения чуда, и одно из них — подобно празднику, феерии, детской игре. Если же вы настроены трезво, скептически — это идеальное видение напомнит вам раскрашенные клеенки с лебедями, молодцами и красавицами...

Ассоль грезит в «Алых парусах»: «Из заросли поднялся корабль: он всплыл и остановился по самой середине зари. Из этой дали он был виден ясно, как облака. Разбрасывая веселье, он пылал, как вино, роза, кровь, уста, алый бархат и пунцовый огонь. Корабль шел прямо к Ассоль».

«Алые паруса» — идеальное видение чуда, и Александр Грин — идеальный образ его творца. Но кто в жизни никогда не ждал «Алых парусов»? И пусть даже наладят «службу совместности» с помощью ЭВМ, нас всегда будут ждать и манить гром среди ясного неба, снег на голову, алые паруса — любовь «ниоткуда». Пусть изучат в подробностях земную жизнь Александра Степановича Гриневского — для нас, вероятно, он навсегда останется Александром Грином.

«Все было не так, и все было в тысячу раз сложнее», — возражает нам В. Харчев, исследователь творчества Грина, пытающийся разгадать, откуда же приплыли к нам «Алые паруса». Чудо не отрицается, но его выводят из реальности. Слово спрашивают нас: «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?»

Автор новой книги о Грине показывает, что произошло действительно чудо: «Алые паруса» явились там, где их, казалось бы, могло и не быть. Казалось бы... «Так, — случайно, как говорят люди, умеющие читать и писать, — Грей и Ассоль нашли друг друга утром летнего дня, полного неизбежности», — пишет Грин.

Сам он тоже вел свой корабль по морю случайностей, где лишь потом сказалась неизбежность. Вот это реальное «море» эпохи войн и революций предстает в книге В. Хар-